

Бокал шампанского

ГЛАВА 1

Если бы не дождь и ветер тем промозглым мартовским утром, во вторник, я бы наверняка отправился в банк, чтобы обналичить пару чеков, и Остин Байн до меня бы не дозвонился. Пришлось бы ему искать кого-нибудь еще. Впрочем, сомневаюсь. Думаю, он перезвонил бы позже, так что не стоит, пожалуй, винить во всем погоду. В общем, все вышло так, как вышло: я сидел в кабинете, смазывал пишущую машинку и два «марли» 38-го калибра, на которые у нас имелись разрешения, из одной и той же банки с маслом. Зазвонил телефон, я снял трубку и ответил:

— Кабинет Ниро Вулфа. Арчи Гудвин на проводе.

— Привет. Это Байн. Мозгляк Байн.

Вам-то хорошо, вы это читаете, а я на слух ловил — и не поймал. Мне показалось, в трубку заквакала дышащая лягушка.

— Лучше прокашляйтесь, — посоветовал я. — Ну или чихните, а потом представьтесь снова.

— Не поможет. Трубы забиты насмерть. Трубы. Забиты. Понял? Это Байн говорит. По буквам разберешь? Б-а-й-н.

— А-а, здорово! Не спрашиваю, как жизнь. По твоему голосу все сразу ясно. Сочувствую, приятель.

— Спасибо. Мне кое-что от тебя нужно. — Теперь его речь звучала чуть разборчивее. — Я нуждаюсь в помощи. Окажи услугу. Для меня это чертовски важно!

Я скорчил гримасу:

— Поглядим. Лишь бы со стула вставать не пришлось и зубами рисковать.

— Ничего такого. Ты ведь знаешь мою тетушку Луизу? Миссис Роберт Робилотти?

— По делам пересекались. Мистер Вулф ей как-то помог, нашел потерянные драгоценности. Ну она наняла его, работал я, конечно, и мы с ней не сошлись характерами. Ей не понравилось одно мое замечание.

— Ерунда! Она быстро забывает такие мелочи. Полагаю, ты слышал о званых вечерах, которые она устраивает ежегодно в день рождения моего дядюшки Альберта, да покоится он с миром.

— Еще бы. Покажи мне того, кто не слышал.

— Отлично. Очередной прием сегодня, ровно в семь. Мне велено развлекать гостей, но куда я гожусь с такой-то простудой? Тетка разозлится как не знаю кто, если выяснится, что нужно срочно искать замену, но я собираюсь ей позвонить и сообщить, что уже подыскал достойного парня вместо себя. Некого мистера Арчи Гудвина. Кстати сказать, ты всегда умел вести себя в свете, не то что я. Она тебя знает, твое дерзкое замечание давно забыто после доброй сотни моих, которыми она возмущалась, и с дамами ты прекрасно ладишь. В общем, черный галстук, ровно в семь, адрес тебе известен. Когда я позвоню тетке, она, естественно, перезвонит тебе, чтобы удостовериться. Ради ответа вставать со стула тебе не придется, а за столом, уж поверь, не подадут ничего такого, обо что можно обломать зубы. У моей тетки прекрасный повар. Господи, сам не верю, что сумел произнести все это! Ну так что, Арчи?

— Думаю, — рассудительно произнес я. — Потерпи еще чуток, раз уж дергаешь меня в последний момент.

— Извини, но я надеялся, что успею оклематься. А сегодня утром глаза открыл и понял, что не успел. Я тебя тоже однажды выручу.

— Это вряд ли. У меня нет тетки-миллионерши. Сильно сомневаюсь, что она забыла мои слова, я тогда изрядно надерзил. А что, если она меня забракует? Снова позвонишь, скажешь, что все отменяется, потом кинешься искать кого-нибудь другого, охрипнешь окончательно, а я на тебя крепко обижусь.

Разумеется, я просто тянул время, отчасти потому, что мне хотелось кое-что для себя прояснить. В его насморке с кашлем ощущалось какое-то притворство. Когда у тебя забита носоглотка, ты все равно четко выговариваешь свистящие звуки, как в словах «семь» или «цепь», а Байн изображал пришептывание, да и там, где обычно гундосят, как-то чересчур старался. Короче, я заподозрил, что он меня дурачит. Вдобавок не будь я самого высокого мнения о себе, то задался бы вопросом: а с какой, собственно, стати меня выбрали в заместители? Нас с Байном закадычными друзьями не назвать. Правда, это пустяки. Если ты себя ценишь как надо, то разыграешь удивление, когда тебе позвонит председатель коллегии выборщиков и скажет, что его партия решила выдвинуть тебя в президенты Штатов, но на самом-то деле ничуть не удивишься.

Помучил я его ровно столько, чтобы убедиться, что простуда не более чем выдумка, а затем согласился. Признаюсь, эта вечеринка меня манила. Новый опыт, как ни крути, который расширит мои познания относительно человеческой природы. Заодно пощечу себе нервишки, потолкаюсь среди чопорной публики, посмотрю, как они себя поведут. И проверю, как буду чувствовать себя сам. Так что я пообещал сидеть на месте и дожидаться звонка тетюшки Луизы.

Звонок раздался меньше чем через полчаса. Я как раз закончил смазывать оружие и укладывал револьверы в ящик письменного стола. Когда я снял трубку, знакомый женский голос сообщил, что звонит секре-

тарь миссис Робилотти и что миссис Робилотти желает поговорить со мной.

— Снова насчет ее бриллиантов, мисс Фромм? — уточнил я.

— Она сама вам все расскажет, мистер Гудвин.

В трубке раздался другой голос, тоже знакомый:

— Мистер Гудвин?

— Слушаю.

— Мой племянник Остин Байн сказал, что созвонивался с вами.

— Вроде бы да.

— Вроде бы?

— Ну, по телефону не видно, с кем говоришь. Он назвался Байном, но с тем же успехом это мог быть ученый тюлень.

— У моего племянника ларингит, о чем он вас уведомил. Очевидно, вы ничуть не изменились. Остин сказал, что попросил вас заменить его на обеде этим вечером и что вы согласились, если будет приглашение. Все верно? — (Я не стал отрицать.) — По его словам, вы осознаете размах и значимость мероприятия.

— Вполне осознаю. Как и прочие миллионов пятьдесят населения страны.

— Увы, мне жаль, что это событие получило такую огласку, но я не вправе ничего менять, не оскорбляя память своего покойного первого мужа. Считайте, что вы приглашены, мистер Гудвин.

— Ладно. Я принимаю приглашение из уважения к вашему племяннику. Спасибо.

— Очень хорошо. — В трубке помолчали. — Конечно, гостей, как правило, не принято предупреждать насчет подходящего поведения, но в этом случае, думаю, напомнить о хорошем тоне не помешает. Вы согласны?

— Всей душой.

— От вас потребуются тактичность и скромность.
— Обязательно прихвачу их с собой, — заверил я.
— И достойные манеры.
— Попробую одолжить. — Тут я решил, что пора слегка притормозить. — Не беспокойтесь, миссис Робилотти, я прекрасно все понимаю. Можете рассчитывать на меня вплоть до кофе и даже после. Я все усвоил, честное слово. Такт, скромность, манеры, черный галстук, начало в семь.

— Тогда мы вас ждем. Не вешайте трубку. Мой секретарь сообщит вам имена приглашенных. Будет намного проще, если вы узнаете их заранее.

Снова послышался голосок мисс Фромм.

— Мистер Гудвин?
— По-прежнему тут.
— Возьмите, пожалуйста, бумагу и карандаш.
— Они у меня всегда под рукой. Давайте, я слушаю.
— Прервите меня, если я начну торопиться. За столом будет двенадцать гостей. Мистер и миссис Робилотти. Мисс Селия Грантэм и мистер Сесил Грантэм. Это сын и дочь миссис Робилотти от первого брака.

— Ага, я знаю.

— Мисс Хелен Ярмис. Мисс Этель Варр. Мисс Фэйт Ашер. Успеваете? — (Я подтвердил.) — Мисс Роуз Таттл. Мистер Пол Шустер. Мистер Беверли Кент. Мистер Эдвин Лэйдлоу. Вы. Всего двенадцать человек. Мисс Варр посадят справа от вас, а мисс Таттл сядет слева.

Я поблагодарил и повесил трубку. Теперь, когда меня пригласили и сосчитали, идея подменить Байна несколько утратила свою привлекательность. Да, побывать на вечеринке будет любопытно, но нервотрепки, похоже, не избежать. Ну да ладно, все равно уже согласился. Я позвонил Байну по оставленному им номеру и сказал, что он волен торчать дома и выкашливать

легкие. Потом подошел к столу Вулфа и написал на календаре имя миссис Робилотти и номер телефона. Вулф захочет узнать, куда я запропастился, пусть даже сейчас мы не расследуем ничего важного. А вдруг кто-нибудь обратится за помощью и пожелает оплатить наши услуги? Затем я вышел в прихожую, свернул налево и через вращающуюся дверь проник в кухню. Фриц Бреннер за большим столом смазывал анчоусным маслом икру шэда.

— Меня к обеду не жди, — сказал я. — Я подписался выполнить главное доброе дело года и обречен страдать.

Фриц перестал мазать масло и взглянул на меня:

— Тебе же хуже. Будут телячьи рулетки в кастрюльке, как положено, с грибами и белым вином.

— Уже слюнки потекли. Но, может, там, куда я иду, найдется что-нибудь съедобное.

— Например, клиент?

Он вовсе не лез не в свое дело. Фриц Бреннер не из тех, кто обожает копаться в чужом белье — даже в моем. Он лишь проявлял надлежащую заботу о благополучии вверенного ему хозяйства и людей, проживающих в старом особняке из бурого песчаника на Западной Тридцать пятой улице; лишь хотел удостовериться, что мое отсутствие за обедом пойдет на пользу нашему дому. Хозяйство требовало изрядных расходов. Нужно платить мне, платить Фрицу, платить Теодору Хорстману, который дни напролет, а случалось, и ночи, проводил в оранжерее, среди десяти тысяч орхидей. Нас всех следовало кормить, причем той едой, которую Вулф предпочитал и обеспечивал, а Фриц готовил. Орхидеи тоже нуждались в постоянной опеке и уходе, а на прошлой неделе Вулф прикупил орхидею целогину из Бирмы за восемьсот баксов, и такие траты были привычным делом. В общем, перечислять расходы можно долго, очень долго, а единственным нашим

источником доходов были люди, угодившие в неприятности и способные, а также желающие заплатить частному сыщику за избавление от этих неприятностей. Фриц прекрасно знал, что сейчас у нас на руках нет никакого дела, а потому скромно интересовался, не позволит ли моя отлучка приступить к новому расследованию.

— Нет, клиентов не предвидится, — покачал я головой и, сев на стул, добавил: — Это бывшая клиентка, миссис Роберт Робилотти, та, что пару лет назад лишилась колец и браслетов сразу на миллион, а мы их нашли и вернули. Мне нужен совет, Фриц. Ты, конечно, в женщинах разбираешься похуже, чем в еде, но я-то знаю, что опыт у тебя богатый. Короче, подскажи, как мне вести себя этим вечером.

— С женщинами? — фыркнул он. — Тебе понадобился совет насчет женщин, с твоим-то списком разбитых сердец?! И от кого — от меня? Арчи, ты ничего не напутал?

— Спасибо на добром слове, но там будут особенные женщины. — Кончиком пальца я подцепил каплю анчоусного масла, упавшую на стол, и отправил в рот. — В том-то и закавыка. Первый муж этой миссис Робилотти, Альберт Грантэм, последние десять лет жизни усиленно тратил свое наследство в триста или четырехста миллионов долларов на то, чтобы сделать лучше мир и людей, живущих в этом мире. Думаю, ты согласишься со мной, что дамочка с младенцем, но без мужа заслуживает лучшей участи.

Фриц поджал губы:

— Для начала стоило бы взглянуть на эту дамочку и ее младенца. Не исключено, что они и вправду очаровательны.

— Тут дело не в очаровании. Во всяком случае, не для Грантэма. Вообще-то, попечение о незамужних ма-

терях-одиночках не являлось для него крупной статьей расходов, но он явно испытывал к ним личный интерес. Он редко допускал, чтобы его имя связывали с какими-либо проектами, но здесь отпираться не стал. Построенный на его средства приют для таких матерей в округе Датчесс по сей день называется Грантэм-Хаус... Эй, а что ты сейчас подмешал?

— Майоран. Так, на пробу.

— Не говори Вулфу. Поглядим, почует ли он. Так вот, когда очередная благодетельствованная мать-одиночка покидала Грантэм-Хаус, ей продолжали платить содержание, пока она не находила работу или мужа, но даже после того приглядывали. Сам Грантэм за несколько лет до смерти установил вот какое правило. На его день рождения они с женой каждый год приглашали четырех дамочек из приюта на обед в дом на Пятой авеню, а заодно, в пару к девицам, звали четверых кавалеров. Грантэм умер пять лет назад, но его жена поддерживает эту традицию. Мол, так она воздаст должное своему супругу, хотя сама-то вышла замуж снова за типа по имени Роберт Робилотти, который в благотворительности замечен не был. Сегодня как раз день рождения Грантэма, и я иду на этот обед в качестве одного из кавалеров.

— Нет! — воскликнул Фриц.

— Что «нет»?

— Только не ты, Арчи!

— Почему?

— Ты все испортишь. Бедняжки вернутся в Грантэм-Хаус, не пройдет и года.

— Это ты зря, — сурово проронил я. — Спасибо за комплимент, конечно, но дело серьезное, и мне нужен совет. Сам посуди: кругом молодые мамы, которым оказали покровительство с тем расчетом, что они сумеют ухватиться за выпавший шанс. Давай допустим, что

они так и поступили. Их приглашают на ужин в трехклятый особняк, где будут четверо молодых людей, подходящих застольных партнеров, которых они прежде в глаза не видели и, скорее всего, никогда больше не увидят. Весело, правда? Короче, я в растерянности. Грантэм помер, и с ним толковать мне не придется, а миссис Робилотти пускай пропадает пропадом, живая или мертвая, но как мне вести себя с остальными? Готов выслушать полезные советы.

Фриц наклонил голову:

— Зачем ты туда идешь?

— Потому что попросил один приятель. Сам не знаю, почему он выбрал именно меня, но это мы пропустим. Думаю, я согласился пойти, рассчитывая поразвлечься, но теперь сообразил, что обед обещает превратиться в скуку смертную. Так или иначе, согласие дано. И что прикажешь делать? Я могу, конечно, валять дурака, строить из себя клоуна, завести разговор про детей или пуститься во все тяжкие... Или, может, произнести прочувствованную речь о знаменитых матерях — вроде Венеры, жены Шекспира и той римлянки, у которой были близнецы?..

— Ни в коем случае!

— Что тогда?

— Не знаю. Твоя болтовня мешает мне сосредоточиться.

— Ладно, умолкаю.

Он наставил на меня нож:

— Арчи, я хорошо тебя изучил. Наверное, не хуже, чем ты изучил меня. Мне нравятся наши беседы. Никакой совет тебе и даром не нужен. Что делать? — Он взмахнул ножом, будто разрезая невидимый кусок съестного. — Ха! Придешь, осмотришься — и будешь вести себя так, как считаешь нужным. Ничего нового. Если тебе станет противно, ты уйдешь. Если одна

из девушек окажется миленькой и вокруг нее будут увиваться мужчины, ты отведешь ее в сторонку и предложишь завтра пообедать вдвоем. Если будет скучно, ты объешься, чем бы за столом ни кормили. Если оскорбишься... О, лифт заработал. — Он покосился на настенные часы. — Боже мой, уже одиннадцать! Пора шпиговать! — Фриц устремился к холодильнику.

Я не пошевелился. Вулф, когда спускается, предпочитает видеть меня в кабинете, на рабочем месте, а если я отсутствую, это его будоражит, что хорошо для кровообращения, посему я дождался, когда лифт остановится и в коридоре послышатся его шаги. Никогда не понимал, почему он не производит больше шума. Казалось бы, его ноги, не крупнее моих, должны проседать под тяжестью тела весом в седьмую часть тонны, но этого не происходит. Впечатление всякий раз такое, словно идет человек в половину веса Вулфа. Я дождался, пока он дойдет до стола и усядется в громадное, сделанное по особому заказу кресло, после чего пошел доложить. Он ворчливо пожелал мне доброго утра, и я ответил ему тем же. Да, общее утро у нас начиналось поздно: Фриц относил завтрак в спальню Вулфа на подносе, а с девяти до одиннадцати Вулф пребывал в оранжерее — каждый день, в том числе по воскресеньям, в компании Теодора и орхидей.

Сев за свой стол, я сообщил:

— Вчерашние чеки не обналичил, погода помешала. Может, развиднеется ближе к трем.

Вулф просматривал почту, которую я сложил на его стол.

— Обратись к доктору Волмеру, — проворчал он.

Это означало, что раз уж такая мелочь, как стылый мартовский дождь, помешала мне добраться с чеками до банка, выходит, я простыл. Поэтому я кашлянул. Потом чихнул.

— Обойдемся без доктора, — сказал я твердо. — Он еще пожелает уложить меня в кровать, а со всей нашей суматохой это не годится. Вам же без меня не справиться.

Вулф метнул на меня пристальный взгляд, кивнул в знак того, что принимает мой довод, и потянулся к перекидному календарю. Так у него было заведено — сначала почта, затем календарь.

— Что это за телефонный номер? — требовательно спросил он. — Миссис Робилотти? Это та женщина?

— Именно она, сэр. Та самая, что отказывалась платить вам двадцать тысяч, но все-таки заплатила.

— Что ей нужно теперь?

— Ей нужен я. Вы найдете меня у нее сегодня вечером после семи.

— Этим вечером придет мистер Хьюитт, он принесет дендробиум и хочет полюбоваться ренантерой. Ты обещал быть здесь.

— Знаю. Я и собирался, но вмешались непредвиденные обстоятельства. Она позвонила мне с утра.

— Вот уж не думал, что она обихаживает тебя — или ты ее.

— Ни то ни другое. Я с ней не виделся и ничего о ней не слышал с тех самых пор, как она выписала чек. Тут особый случай. Может, помните, что, когда она вас наняла и мы с вами ее обсуждали, я упомянул одну историю, вычитанную в журнале, — насчет званных обедов, которые она устраивает ежегодно в день рождения своего первого мужа? Приглашает четырех девушек и четверых парней. Эти дамочки — незамужние матери-одиночки из прию...

— Да, помню. Пустое бахвальство. Мнимая благотворительность. Хочешь сказать, ты в этом замешан?

— Ничего такого я не говорил. Мне позвонил знакомый, Остин Байн, и попросил его подменить, потому

что он слег с простудой. Я согласился, решил, что новый опыт не повредит. Закалю себе нервы, попутно кругозор расширю.

Глаза Вулфа сузились.

— Арчи...

— Слушаю, сэр.

— Я когда-либо вмешивался в твои личные дела?

— Конечно, сэр. Регулярно. Сами вы думаете иначе, так что продолжайте.

— Я не вмешиваюсь. Если тебе взбрело в голову зачем-то принять участие в этом нелепом представлении — воля твоя. Я просто указываю, что тем самым ты принижаешь себя. Этих бедолаг зовут на обед с совершенно очевидной целью. В надежде, что они — хотя бы одна из них — встретят мужчину, который настолько проникнется их положением, что пожелает продолжить знакомство и в итоге признает собственным отпрыском если не младенца, который уже родился, то плод, вызревающий в утробе. Следовательно, твое присутствие на обеде будет откровенным обманом, и тебе это хорошо известно. Я, признаться, сомневаюсь в том, что ты позволишь хотя бы одной женщине надеть на тебя ярмо, но, если это однажды произойдет, такая женщина должна обладать качествами, которые сделают для нее невозможной участь подобных несчастных созданий. Коротко говоря, ты намерен податься в мошенники.

— Никак нет, сэр, — замотал я головой. — Вы все неправильно поняли. Я не стал вас перебивать, дал высказаться. Если бы затея сводилась к этому — познакомиться девушек с потенциальными женихами, я бы во всеуслышание восхвалил миссис Робилотти, но пойти бы не пошел. Там все другое, уж поверьте. Мужчин зовут из той среды, в которой вращается она сама, — черные галстуки по вечерам шесть дней в неделю, никаких вольностей. Считается, что такая встреча принесет де-

вешкам пользу, укрепит их мораль. Провести вечерок в благородной компании, поесть сливок, попробовать икру, посидеть на стуле работы Конгрива...¹ Конечно...

— Конгрив стульев не делал.

— Знаю, но тут просилось какое-то имя, а его фамилия первой пришла на ум. Конечно, все это слащавая чушь, но мошенничеством здесь и не пахнет. И можете не сомневаться: я иду туда не как на заклятие. Наука утверждает, что некоторые девушки расцветают, телесно и духовно, становятся притягательнее после рождения ребенка. К тому же они обладают некоторым семейным опытом...

— Пф! Так ты все же пойдешь?

— Пойду, сэр. Я сказал Фрицу, что меня к обеду ждать не стоит. — Я поднялся. — Пора делами заняться. Если захотите ответить на почту до обеда, позовите, и я приду через пару минут.

Мне вспомнилось, что в субботу вечером кто-то во «Фламинго» пролил какую-то жидкость на рукав моего пиджака от вечернего костюма. Дома я плеснул на ткань пятновыводителем и забыл проверить, сошло пятно или нет. Поднявшись к себе, я осмотрел костюм и убедился, что пятно исчезло.

ГЛАВА 2

Внутреннее устройство особняка Грантэмов, ныне принадлежавшего Робилотти, на Пятой авеню в районе Восьмидесятых улиц, было мне хорошо знакомо: когда

¹ Имеется в виду английский драматург XVIII в. У. Конгрив. Арчи, вероятно, называет его имя, потому что в пьесах Конгрива подробно описывалась обстановка аристократических салонов. В частности, в английском языке за кушеткой-оттоманкой с фигурной спинкой — такими кушетками изобиловали салоны — даже закрепилось название «диван Конгрива».

мы охотились за пропавшими бриллиантами, я излазал там каждый дюйм, в том числе и на половине слуг. Поэтому, пока ехал на такси в центр города, я размышлял о предстоящем приеме. Я предположил, что гостей соберут на втором этаже в так называемой музыкальной гостиной. Не угадал — для матерей-одиночек сойдут что попроще.

Открывший мне Хэкетт держался великолепно. Раньше, когда я приходил как наемный детектив, он вел себя безукоризненно строго, а теперь, когда я вдруг сделался приглашенным гостем, он воспринял эту перемену как должное, не моргнув и глазом. Наверное, того, кому поручают открывать двери, можно при желании обучить всем премудростям правильного взятия пальто и шляп у людей разного положения, но как по мне, тут столько всего понамешано, что без врожденного таланта не обойтись. Вид, с которым Хэкетт поздоровался со мной, поневоле заставлял вспомнить наши прошлые встречи и служил наглядным уроком хороших манер.

Я попробовал его растормошить. Когда он принял у меня шляпу и пальто, я высокомерно поинтересовался:

— Как ваши делишки, мистер Хэкетт?

Он ничуть не смутился. У этого типа точно железные нервы.

— Очень хорошо, мистер Гудвин, спасибо, что спросили, — вежливо ответил он. — Миссис Робилотти в гостиной.

— Ваша взяла, Хэкетт. Поздравляю. — Я за десять шагов пересек холл и миновал сводчатую арку.

Потолок гостиной возвышался над полом футов на двадцать, пятьдесят пар танцоров уместились бы в ней без всякого труда, а уголок для оркестра не уступал размерами моей спальне. Освещали комнату три хруст-

Содержание

БОКАЛ ШАМПАНСКОГО

Перевод К. Королева 5

СОЧИНЯЙТЕ САМИ

Перевод Д. Попова 209

Стаут Р.

С 78 Бокал шампанского. Сочиняйте сами : романы / Рекс Стаут ; пер. с англ. К. Королева, Д. Попова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. — 416 с. — (Звезды классического детектива).

ISBN 978-5-389-23394-2

Ниро Вулф, страстный коллекционер орхидей, большой гурман, любитель пива и великий сыщик, практически никогда не выходит из дому. Все преступления он распутывает на основе тех фактов, которые собирает Арчи Гудвин, его обаятельный, ироничный помощник с отличной памятью.

На ежегодный благотворительный прием у миллионерши приглашены несколько девушек, родивших детей вне брака, и такое же количество молодых людей, среди которых и Арчи Гудвин. В перерыве между танцами одна из девушек, выпив шампанского, умирает. При этом многие знают, что она постоянно носит с собой пузырек с ядом. Полиция и гости считают это страшное происшествие самоубийством, и только Гудвин настаивает на том, что девушку убили. Вулф берется за дело, чтобы доказать правоту Арчи («Бокал шампанского»).

Знаменитый детектив сталкивается с необычной ситуацией, когда к нему с просьбой о помощи обращаются члены комитета по борьбе с плагиатом. Проблема в том, что каждый раз после выхода нового бестселлера объявляется малоизвестный писатель, обвиняющий автора книги в краже сюжета. Вулф берется найти афериста, но очень скоро дело о плагиате принимает новый оборот и превращается в дело об убийстве («Сочиняйте сами»).

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

РЕКС СТАУТ
БОКАЛ ШАМПАНСКОГО
♦
СОЧИНЯЙТЕ САМИ

Ответственный редактор Александр Етоев

Редактор Ольга Давидова

Художественный редактор Виктория Манацкова

Технический редактор Мария Антипова

Компьютерная верстка Елены Долгиной

Корректоры Валентина Гончар, Юлия Теплова

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 15.06.2023. Формат издания 76 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 18,33. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

H-MCD-32346-01-R